

Прием «литургической «игры» в британском романе второй половины XX века (на примере произведений У. Голдинга, А. Мердок, Д. Фаулза, П. Акройда)

Пономаренко Юлия Васильевна

Аспирантка Московского государственного гуманитарного университета имени М.А. Шолохова, Москва, Россия

Британский роман второй половины XX в. глубоко исследует проблему укорененности человеческого сознания в прошлом, личном и общенациональном, обращаясь к образам «поэтического» Средневековья.

Формальным признаком присутствия средневековой традиции в тексте П. Зюмтор считает присутствие «типов», «форм, стремящихся к максимально высокой концентрации смысла» [Зюмтор: 94]. О.М. Фрейденберг определяет это явление следующим образом: «То, что было признаком поэтики особого этапа, становится знаком этого этапа» [Фрейденберг: 438]. Применительно к британскому роману можно говорить об использовании типов либо собственно средневековой поэтики, либо более поздних их вариантов, генетически восходящих к Средневековью.

Так, знаком эпохи Средневековья становится присутствие в тексте т.н. «архитектурных» типов: собора, замка, старого особняка, которые неизменно присутствовали в образной системе рыцарского романа, получили новую жизнь в английском готическом романе рубежа XVII–XIX вв. и имеют общие корни в образах дома и храма, заключающих в себе средневековое видение соотношения микрокосма и макрокосма.

Упоминание о приемах, «позволяющих создавать эквивалент пространственных ощущений», мы встречаем у П. Зюмтора применительно к различным средневековым поэтическим кодам [Зюмтор: 36]. Наиболее чистым случаем он считает «литургическую «игру», вписывающуюся в пространство архитектурного сооружения» [Зюмтор: 36]. Использование приема «литургической «игры» относится к средневековой литургической драме («лат. *ordo*, «служба» или *ludus*, «игра» [Словарь: 157]), которая приближала и опрощала священную историю, «не посягая на ее сакральность» [Словарь: 158], а также являлась развитием храмовой службы в театральном ключе.

В британском романе прием «литургической «игры» связан с жанром философского романа-«притчи», об актуальности которого для британской литературы XX в. пишет Н.А. Смирнова [Смирнова: 73-75]. Формальным признаком применения данного приема является использование «архитектурного» средневекового типа как способа организации художественного пространства.

Прием «литургической «игры» формирует самостоятельную разновидность романа-«притчи» со следующими особенностями: 1) архитектурно организованным пространством; 2) цикличностью событий; 3) аллегорически оформленным изображением универсального действия; 4) драматургичностью, основанной на единстве места, времени, действия.

Подобную средневековую притчу, построенную вокруг архитектурного центра, мы видим в «Шпиле» Уильяма Голдинга (1964), «Единороге» Айрис Мердок (1963), «Коллекционере» (1963) и «Башне из черного дерева» (1974) Джона Фаулза, «Доме доктора Ди» (1993) Питера Акройда.

В основе художественного пространства этих произведений лежит заимствованная из рыцарского романа модель «чудесного» мира [Бахтин: 82]. «Архитектурный» тип становится центром этого мира и центральной метафорой текста: мы имеем «буквально...редкую возможность войти в метафору» [Смирнова: 50]. Собор, замок, старый особняк представляет собой «чертеж» мироздания и, одновременно, сознания своих обитателей.

В каждом из рассматриваемых романов время соответствует авантюрному времени рыцарского романа [Бахтин: 81]. Этому сопутствует цикличность действия, повторение событий, возвращения, встречи с прошлым, что является традиционным

способом изображения Вечности. Сочетание цикличности действия с архитектурным ограничением рождает специфический хронотоп философского романа-«мистерии»: характеристики времени меняются, оно становится плотным сгустком культурной и человеческой памяти, свидетелем неизменности законов бытия.

Присутствие вечности в рассматриваемых романах передается также посредством узнаваемой сюжетной формулы-основы, степень обобщенности которой соответствует отражению вечных процессов мироздания. Сюжетное действие становится авторской интерпретацией фундаментальных законов бытия и превращается в действие, каждая деталь которого имеет сакральный смысл. Роль основы могут играть устойчивые мифологические и литературные сюжеты, в т. ч. реализованные в образной системе Средневековья. В тексте каждого романа вычленяется узнаваемый сюжет: цикл церковного богослужения («Шпиль» Голдинга), пленение невинной женщины чудовищем и освобождение ее рыцарем («Единорог» Мердок, «Коллекционер» и «Башня из черного дерева» Фаулза), цикл рождения, развития и смерти гомункулуса («Дом доктора Ди» Акройда).

Применение приема «литургической «игры» приводит к театрализации действия. Перенос театрального действия с реальных подмостков на воображаемые и мистериальность романа XX в. исследуются Н.А.Смирновой и соотносятся ей с понятием «магического театра» [Смирнова: 58–65]. В данном случае театральность реализована в понятии «игры», которое, во-первых, подразумевает сочиненный или постановочный характер и позволяет рассматривать все перипетии героев повествования символически, и, во-вторых, предполагает вариативность развития действия.

На примере пяти романов британских писателей второй половины XX в. мы рассмотрели особенности приема «литургической «игры», с помощью которого авторы реализуют общую задачу: указание на универсальное во временном с помощью категорий средневекового мировосприятия. Результатом этого становится появление философского романа-«мистерии», т. е. изложенной в прозе средневековой драмы о круговороте Бытия.

Литература

Бахтин М.М. Эпос и роман. СПб., 2000.

Зюмтор П. Опыт построения средневековой поэтики. СПб., 2003.

Словарь средневековой культуры. М., 2007.

Смирнова Н.А. Тезаурус Джона Фаулза. Нальчик, 2000.

Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М., 1997.